
РОББИ ДУАС
АКАДЕМИЯ
ВЕЙЛХАРТ
ПЕРВОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ
КНИГА ПЕРВАЯ

Робби Дуас

Академия «Вейлхарт». Первое пробуждение

«Автор»
2026

Дуас Р.

Академия «Вейлхарт». Первое пробуждение / Р. Дуас — «Автор», 2026

После аварии в школьном спортзале семнадцатилетний Артём Лазарев начинает замечать невозможное: он видит, как движется сила, и иногда может изменить её направление. Но что произошло в день обрушения, не понимает даже он сам.Вскоре Артёма приглашают в закрытую Академию «Вейлхарт», где подростков с необычными способностями учат контролировать свои дары. Здесь его ждут опасные тренировки, соперники, новые друзья и Ева Морозова — девушка, с которой невозможно договориться и которую всё труднее забыть.Пока между ними зарождается чувство, в Академии обнаруживаются следы исчезнувших учеников и секретной программы «Контур». За обещанием безопасности скрывается эксперимент, способный превратить чужой дар в оружие.Чтобы спасти тех, кто стал ему дорог, Артёму придётся узнать, чем на самом деле является его способность — и кому выгодно её пробуждение.

© Дуас Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Протокол об отсутствии 6
Часть первая. ПРОБУЖДЕНИЕ 7
Глава 1. Балка 7
Глава 2. Цена удара 10
Глава 3. Северные ворота 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Академия «Вейлхарт». Первое пробуждение

Книга первая

Пролог. Протокол об отсутствии

В ночь аварии снег не шёл, хотя на внутреннем дворе всё казалось белым. Пыль от обвалившейся штукатурки оседала на стеклянной галерее и на чёрных ветках елей. Часы над лабораторным входом остановились в 02:14. Электронные продолжали отсчитывать время, но женщина у регистраторского окна смотрела только на те, настенные.

Её звали Вера Антоновна. Она двадцать лет оформляла протоколы и считала, что страшнее всего не чужой крик, а необходимость записать его официальным языком.

— Поставьте время окончания испытания, — произнёс мужчина, положив перед ней папку.

На манжете его рубашки была кровь. Мужчина держал левую руку в кармане, словно хотел скрыть дрожь. За его спиной двое санитаров катили пустую каталку. Вера Антоновна заметила пустоту раньше, чем кровь, и поэтому спросила:

— А где участник?

— За него отвечают медики.

— Мне нужен номер палаты.

Мужчина отвёл взгляд. У стола тихо работал принтер, выплёвывая лист с заранее заполненными графами: «Опыт завершён. Состояние объекта: утрата функций. Последствия: необратимые».

— Здесь не написано, что человек умер, — сказала Вера Антоновна.

— Вы же видите заключение.

— Я вижу слова. Заключения врача нет.

В коридоре кто-то ударил кулаком в закрытую дверь. Один раз, второй. Потом послышался голос, но сквозь тяжёлую обшивку слов было не разобрать.

— Подпишите, — попросил мужчина. Теперь уже тише.

Она поставила дату и время, но графу о гибели оставила пустой.

Утром папка исчезла со стола. Вместо неё лежала новая, с той же датой и другой формулировкой. Под текстом стояла подпись руководителя. Веру Антоновну перевели в архив, а через месяц архив закрыли на реконструкцию.

Пустую графу она запомнила на всю жизнь.

Потому что в документах люди исчезают гораздо быстрее, чем в действительности.

Часть первая. ПРОБУЖДЕНИЕ

Глава 1. Балка

В пятницу, когда в школьном спортзале сорвало крепление осветительной фермы, Артём Лазарев думал о контрольной по химии.

Контрольную он провалил ещё до начала: оставил тетрадь дома, забыл формулы и с утра умудрился поссориться с матерью из-за мокрых ботинок у двери. В семнадцать лет неприятности казались отдельными событиями, которые можно переждать. Обвал потолка в этот список не входил.

— Ты опять смотришь на часы, — сказал Лёха Минин, нагоняя его у раздевалки. — У тебя в двенадцать самолёт?

— Освобождение. Два урока осталось.

— Репетиция не считается уроком.

— Попробуй объяснить это химичке.

Лёха засмеялся и поднял с пола рулон синего скотча. Он помогал монтировать сцену для школьного концерта и воспринимал дело с серьёзностью инженера, хотя ещё утром не смог прикрепить собственный бейдж так, чтобы он держался ровно.

По коридору тянуло тёплой выпечкой из буфета. Дежурная у входа записывала опоздавших. На подоконнике у спортзала стояла корзина с бумажными звёздами; девятиклассники собирались развесить их над импровизированной сценой. Всё было обыкновенным — до неприятного металлического щелчка сверху.

Артём остановился. Звук не был громким, но показался неправильным: будто кто-то перебирал монеты в пустой банке.

— Слышал? — спросил он.

Лёха обернулся.

— Что?

В зале работала музыка, кто-то испытывал микрофон. У длинной стены двое техников сдвигали стремянку; под потолком висела временная конструкция с лампами и декоративными полотнищами. На одном конце она была закреплена цепью, на другом — тонким металлическим тросом. Артём не разбирался в креплениях, но заметил, что трос натянут неровно.

— Кажется, там что-то болтается.

— Скажи завхозу, — бросил Лёха. — Он сегодня главный по чудесам.

Артём пошёл к сцене, протискиваясь между ребятами с коробками. У самой трибуны он увидел двух девятиклассниц, которые спорили, где поставить колонку. Одна держала телефон перед лицом и снимала всё подряд.

— Не поднимайте её туда, — сказал Артём. — Посмотрите наверх.

Он произнёс это слишком спокойно. Девочки не услышали, а когда он повысил голос, музыка вступила громче и съела половину слов.

Вторая металлическая трель прозвучала прямо над ними.

Артём поднял голову.

До него дошло, что кричать уже поздно.

Трос распустился у крепления, как оборванная струна. Длинная стальная перекладина качнулась. На секунду она ещё держалась на одном конце, затем сорвалась, развернувшись боком. Лёха оказался точно под ней — спиной к сцене, с рулоном скотча в руке.

Артём рванулся к нему. Между ними было несколько метров, слишком много для одного прыжка.

И тогда он увидел нечто, чего прежде никогда не замечал.

Не огонь и не вспышку. Воздух словно расслоился на тонкие, почти прозрачные жилы. От перекладины вниз тянулась одна — натянутая и яркая. Другая уходила к стене. Третья терялась в переплетении балок. Артём моргнул, решив, что ему ударила в глаза лампа, но линии остались.

Он не понимал, что они обозначают. Только ощутил, что если одна из них продолжит тянуться к Лёхе, металл неизбежно упадёт на друга.

Артём потянулся рукой.

Пальцы сомкнулись на пустоте. В ладони будто провернули раскалённый гвоздь.

Дальше всё смешалось. Перекладина дёрнулась, её свободный конец ударил в кирпичный простенок у запасного выхода. Со стены сорвалась штукатурка, лампы погасли, кто-то закричал. В густой пыли невозможно было разглядеть ни трос, ни сцену. Артём упал на колени, прикрывая голову руками.

Когда он смог вдохнуть, во рту скрипел мелкий песок.

Рядом кашлял Лёха.

— Ты живой? — спросил Артём, не узнавая собственного голоса.

— Кажется. — Лёха повернулся, щурясь. — Что это было?

Артём посмотрел на него. Друг сидел у опрокинутой скамейки, белый от пыли, с рассечённой бровью. На полу в полуметре лежал обрывок троса. Лёха не видел того, что видел Артём: он стоял спиной и пригнулся при первом треске.

— Крепление сорвалось, — ответил Артём.

Это была единственная часть случившегося, в которой он не сомневался.

Учитель физкультуры открыл боковую дверь, через неё потянулись ученики. Кто-то вызвал скорую. Завхоз велел всем отойти от стены, потому что не знал, насколько она повреждена. Девочка, снимавшая концерт, дрожащими руками искала свою одноклассницу. Никто не обсуждал чудеса. Люди боялись, что под обломками остался ещё кто-нибудь.

Артём помог вынести коробки из прохода и только после этого обнаружил, что пальцы правой руки плохо сгибаются. Поперёк ладони проступили три узкие темноватые полосы. Ничего горячего он не касался. Он даже не был уверен, когда успел упасть.

— Покажи, — попросил Лёха.

— Просто содрал кожу.

— На воздухе?

— На полу, наверное.

Друг не стал спорить. Теперь у него из брови текла кровь, и школьная медсестра звала его к себе.

В коридоре, куда вывели всех участников репетиции, начали появляться объяснения. Один мальчик видел, как трос лопнул сразу в двух местах. Другой уверял, что перекладина отскочила от стены. Девятиклассница показывала видео: на экране метались головы, слышался грохот, а в решающий момент телефон был направлен в пол. Кто-то сказал, что таким образом металлические конструкции иногда «стреляют» при обрыве натяжения. Учитель попросил прекратить догадки до осмотра инженеров.

Артём не вмешивался.

Он повторял про себя последовательность: звук, трос, линии, боль. И застревал на одном вопросе: если перекладина упала сама, почему он почувствовал удар в собственной ладони?

После приезда спасателей его попросили назвать имя, класс, где он находился в момент обрушения. Он отвечал честно: у трибуны, рядом с Лёхой. На вопрос, трогал ли оборудование, сказал «нет». Это тоже было правдой — по крайней мере, в обычном смысле слова.

Когда школьный двор опустел, возле машин стоял незнакомый мужчина в тёмном пальто. Он разговаривал с директором школы и не смотрел на Артёма. Позже, уже садясь в машину,

мужчина задержался у входа и поднял с асфальта маленькую металлическую шайбу. Положил её в пакет, как делают люди, привыкшие работать с вещами осторожно.

Артём заметил этот жест лишь потому, что сам весь день старался не смотреть на свою руку.

В больницу их отправили вдвоём с Лёхой. Врач проверил зрачки друга, осмотрел его ссадину и задал вопросы о потере сознания. Артёму велели показать ладонь. Он сказал, что обжёгся при падении, хотя уже понимал, насколько плохо это объясняет полосы.

Поздно вечером, когда телефон наконец зарядился, пришло сообщение от Лёхи: «Складывается ощущение, что эта штука должна была упасть на меня. Не хочу думать, что было бы».

Артём набрал «я тебя спас», посмотрел на слова и стёр их.

Он не знал, спас ли. Он знал лишь, что в стене образовалась глубокая трещина, а за нею могли стоять другие ученики.

Он ответил: «Хорошо, что ты жив».

Лёха прислал короткое: «Ты тоже».

Артём долго не мог уснуть. Ему снова чудился негромкий металлический звон над головой. Но страшнее падения было другое: он всё яснее помнил движение руки и всё хуже мог объяснить, почему сделал его.

Глава 2. Цена удара

В больничном коридоре было жарко, как в переполненном автобусе. Артём сидел возле автомата с водой и изучал собственную правую ладонь: три узких следа стали темнее, но на ожог не походили. Кожа вокруг них оставалась целой. Когда он разжимал пальцы, боль уходила к локтю, словно кто-то тянул невидимую струну.

Врач сказал, что серьёзных повреждений не видит, и отправил его на дополнительный осмотр. Лёху оставили под наблюдением из-за сотрясения. Несколько школьников получили ушибы и порезы от штукатурки; о тяжело пострадавших пока не сообщали. Новостные каналы уже написали про обрушение в спортзале, но причины называли предварительными. На выложенных видео Артём сумел рассмотреть только собственный затылок и всплеск пыли.

В коридор вышла Наталья Петровна, классная руководительница. Она несла две бутылки воды и бумажный пакет с бутербродами.

— Твоя мама в пути, — сказала она. — С врачом я разговаривала. Больше ни к кому тебя не потащат, пока не отдохнёшь.

— А журналисты?

— Они разговаривали с директором. Не с тобой.

Артём взял воду. Ему хотелось спросить, какие именно вопросы задавали спасатели, но он боялся услышать, что кто-нибудь заметил его странное движение. Учительница словно почувствовала это.

— Ты не обязан сейчас объяснять то, чего сам не понял, — сказала она. — Для начала достаточно сказать, где стоял и что видел.

Артём кивнул и впервые за день позволил себе опустить плечи.

Мать приехала через сорок минут. На ней была расстёгнутая куртка, волосы прилипли ко лбу от мокрого снега. Артём ожидал привычного строгого вопроса — почему не предупредил, где находится, — но она села напротив и попросила показать руку.

— Это сделали осколки? — спросила она.

— Нет. То есть не знаю.

Она осторожно повернула его ладонь к свету. Три полосы будто что-то ей напомнили: лицо изменилось, но она не произнесла ни слова.

— Мам, ты чего?

— Мне нужно понять, что ты помнишь. Без догадок, хорошо?

Он рассказал про трос, странные линии в воздухе, боль в кисти и про то, что металл после падения оказался у стены. О том, что сам потянулся к светящейся линии, признался последним. Мать слушала, ни разу не перебив.

— Ты раньше такое видел? — спросила она.

— Никогда. Хотя... иногда вещи как будто движутся чуть раньше, чем я успеваю их заметить. Я думал, показалось.

Мать закрыла глаза. Не надолго, но Артём успел испугаться сильнее, чем в спортзале.

— Откуда ты знаешь, о чём я говорю?

— Не знаю всего, — ответила она. — Я очень надеялась, что нам не придётся об этом разговаривать.

В этот момент к ним подошёл мужчина, которого Артём видел во дворе школы. На пальто ещё таяли крупинки снега. Он остановился на уважительном расстоянии и сначала обратился к матери.

— Елена Сергеевна? Николай Ветров. Мы созванивались несколько лет назад. Простите, что пришлось встретиться так.

— Удостоверение, — попросила она.

Ветров без возражений раскрыл бумажник. На карточке стояла печать негосударственного образовательного центра «Вейлхарт». Артём не узнал логотип — узкий щит с рассечённой линией посередине.

— Вы кто? — спросил он.

— Сотрудник приёмной службы школы, где учатся ребята с редкими особенностями. Порой опасными для них самих. Сегодня мы получили сообщение об аварии. А потом ваша мама подтвердила, что вы были там.

Артём повернулся к матери.

— Ты ему звонила?

— Да. До того, как узнала, что с Лёшей всё хорошо.

— Почему?

Ветров не пытался вклиниться между ними. Он вынул телефон, показал снимок оборудования после аварии: оборванный трос и перекладину, ушедшую вбок. Рядом был схематический расчёт обычного инженера — согласно ему, траектория могла измениться при неравномерном срыве крепления. Ни слова про магию.

— Вы пришли из-за балки? — спросил Артём.

— Из-за несоответствия между тем, что произошло, и тем, что пока можно объяснить. Это не одно и то же. Люди видели обрушение. Никто не видел вашего намерения.

Он произнёс это без нажима. От этих слов Артёму стало легче, хотя поверить в рассказ мужчины было невозможно.

— Допустим, у меня какая-то странная способность. Что дальше? Лаборатория? Клетка?

— Сначала обследование и добровольный разговор. У нас учебное заведение. Вы можете запросить документы, поговорить с выпускниками, встретиться с врачом. Вопрос о поступлении не решается в коридоре больницы.

Артём насторожился. Слова казались заранее подготовленными, но Ветров говорил не как человек, пришедший забрать собственность. Скорее как врач, который пытается назвать диагноз и знает, что ему не поверят.

Наталья Петровна вернулась из регистратуры и увидела незнакомца. Ветров сам предложил проверить его полномочия. Учительница позвонила юристу центра по номеру, найденному в официальных документах, а не по визитке. Елена Сергеевна предъявила сохранённое соглашение, подписанное много лет назад. Существование такого соглашения встревожило Артёма сильнее любого снимка.

— Ты знала, что это может случиться? — спросил он, когда Ветров отошёл.

— Боялась, что может. Между этими словами есть разница.

— И не сказала мне.

Мать сидела, сцепив пальцы. Она редко извинялась: обычно находила точное объяснение своему поступку, и на этом разговор заканчивался. Сейчас она не пыталась оправдаться.

— Я ошиблась. Мне казалось, если ничего не произойдёт, у тебя будет обычная жизнь. Если расскажу раньше — заставлю всё детство ждать беды.

— А папа? — спросил Артём неожиданно для самого себя. — Это с ним связано?

Елена подняла глаза.

Она достала из кошелька старую фотографию. На снимке молодой мужчина стоял у ограды среди деревьев. На обороте выцветшими чернилами было написано: «Павел. Весна». Артём видел лицо раньше — на двух семейных фото, где отец подбрасывал его в воздух. Но ограда оказалась той самой, что была на удостоверении Ветрова.

— Твой отец работал в этом центре, — сказала мать. — И погиб там. Я говорила тебе, что это была болезнь. Это неправда.

Артём долго смотрел на фотографию. Ему казалось, что теперь он обязан немедленно задать тысячу вопросов. Но ни один не получался достаточно ясным.

— Почему он погиб?

— Я расскажу. Не в коридоре и не сегодня ночью, — ответила мать. — Ты имеешь право злиться. Но я хочу рассказать всё точно, а не с перепугу.

Ветров вернулся с листом предварительного приглашения. Документ не обязывал Артёма ехать. Предусматривались встреча с учебным куратором, осмотр руки, пробное пребывание и возможность отказаться. В нём отдельно стояли строки для подписи подростка и его законного представителя.

— Почему вы считаете, что это поможет? — спросил Артём.

— Потому что, если вы действительно видели движение как линии, вас нужно научить сначала проверять, куда они ведут. Такие вещи нельзя осваивать на людях случайно.

Артём вспомнил стену спортзала. Если бы за ней стоял кто-нибудь из девятиклассников, он сейчас сидел бы не в этом коридоре.

— Я не готов подписывать сегодня, — сказал он.

— Не подписывайте, — ответил Ветров. — Возьмите бумаги домой.

Дома мать не стала собирать его чемодан. Они пили чай на кухне, где с утра сохли те самые ботинки, из-за которых поссорились. Артём перечитал документы, нашёл адрес центра, посмотрел фотографии территории. Одна из них показывала старое здание с часовой башней. На другой возле него стояли обычные подростки с рюкзаками. Кадры выглядели подозрительно скучными для школы чудес.

— Я поеду посмотреть, — сказал Артём перед рассветом. — Только на пробный срок. И буду сам решать, оставаться ли.

Мать не возразила.

Он надеялся, что её облегчение объясняется заботой. Но теперь уже знал: в жизни Елены Лазаревой существовал целый слой фактов, о которых она не рассказывала. Вопрос был не в том, доверяет ли он Ветрову. Вопрос — почему мать боялась этой школы ещё до его рождения.

Глава 3. Северные ворота

До Вейлхарта ехали четыре часа. Сначала скорый поезд до небольшого областного города, затем автобус вдоль леса. За окнами проплывали придорожные магазины, заправки, дачные посёлки. Артём представлял секретную школу иначе: хотя бы непроходимые горы или особую границу, которую можно увидеть только при свете луны. Вместо этого автобус остановился у обычного шлагбаума с облупленной табличкой «Частная территория».

Ветров показал охране документы. За ним в салоне сидели ещё двое подростков: парень с перевязанным запястьем и девушка в наушниках. Они украдкой рассматривали друг друга, но разговор не начинали. Артём вдруг понял, что не единственный новенький, которому страшно.

В небольшом КПП попросили паспорт и направление, затем предложили положить ладони на матовую панель. Полосы на руке Артёма слегка заныли. Экран выдал: «Стабильность сигнала: недостаточная. Класс дара: не определён».

— Это плохо? — спросил он.

— Это честно, — ответил Ветров. — В первый день почти никому не удаётся определить всё точно.

За КПП начиналась аллея. Сквозь ели виднелись старое кирпичное здание с часовой башней, два современных общежития, бассейн и длинный корпус без окон. Никаких парящих замков. По дорожке бежала группа учеников, один из них ругался на расстегнувшийся шнурок. На газоне мужчина в резиновых сапогах ругался ещё громче: кто-то заставил кусты вырасти вокруг его садового инвентаря.

— У вас здесь всё выглядит… обычно, — сказал Артём.

— Это школа, — напомнил Ветров. — Люди должны где-то завтракать и делать домашние задания. Сверхспособность не отменяет необходимости стирать носки.

В учебном отделе Артёму выдали карточку гостя на две недели, расписание ознакомительных занятий и правила безопасности. С первых страниц следовало, что способности запрещено применять в общежитиях, столовой и вблизи людей без их согласия. Для сложных тренировок требовался инструктор. Свободное время существовало на бумаге и, судя по насмешливым пометкам на полях чужого экземпляра, пользовалось большой популярностью.

— Здесь точно можно уехать, если не понравится? — спросил он у женщины за стойкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.